

улавливалось нечто стройное, нечто гармонично-сливавшееся со звуками природы — шелестом листьев, шумом леса и пением птиц... В девять с половиной часов вечера раздался обычный ежедневный пушечный выстрел, возвещавший время закрытия городских ворот. Затем наступила ночная тишина...

Усталые члены экспедиции скоро отошли ко сну. Но долго, долго не спалось мне — помимо моей воли картина за картиной проходили в моем воображении. Вспоминался самый ранний, давно минувший период первого посещения Алаша — оазиса и прилежащих гор... Еще живее вырисовывалось вторичное пребывание в этих местах, осенью 1901 года, когда я с Тибетской экспедицией возвращался к родным пределам из далекого, богатого, очаровательного Кама... В обоих случаях, на первом плане картины выявлялся величавый облик истого, гениального путешественника Н. М. Пржевальского. Невольно чувствовалось, что образ дикой девственной природы Центральной Азии и чистый вдохновенный образ ее первого исследователя неразрывно слились в одно стройное целое, в одну общую живую гармонию...

